

Четвертая столовая в школе Вэньхуа была маленькой и находилась в отдаленном месте. Большинство учеников школы были из знатных и богатых семей, поэтому даже во время обеденного перерыва людей здесь всегда было немного. Несмотря на это, Су Мо дождался почти самого закрытия, чтобы прийти.

Но на этот раз ему не повезло.

В углу за одним из столов сидели четверо. Трое из них были в светло-серой форме старшеклассников. Парни выросли высокими и крепкими, из-за чего Су Мо, зажатый ими в углу, казался совсем маленьким.

Цзян Линь с усмешкой в уголках глаз постучал по столу, его голос был негромким, но в почти пустой столовой он разносился далеко.

- Похоже, тут есть супчик, — протянул Цзян Линь, бросив взгляд на маленькую миску супа с ребрышками и кукурузой на подносе Су Мо, и кивнул в сторону другого парня. — Юй Шан, разве ты не говорил, что после игры не успел поесть? Еда в этой столовой сегодня выглядит вполне съедобной.

- О, тогда я, пожалуй, съем это, — с усмешкой подхватил Юй Шан, забирая себе поднос Су Мо.

Су Мо опустил голову, словно марионетка: не говоря ни слова, не выражая эмоций и не сопротивляясь.

Цзян Линь посмотрел на юношу долгим высокомерным взглядом и фыркнул. В последнее время, даже когда его сильно обижали, Су Мо реагировал именно так — очень скучно, что не приносило обидчикам никакого удовлетворения. Цзян Линь помнил, что когда они только начали приставать к Су Мо, его реакция была довольно свежей: он возмущался, сопротивлялся и даже звал на помощь.

Цзян Линь и его компания привыкли бесчинствовать в школе; все они были из богатых и влиятельных семей, и многие ученики молча терпели их нападки. Лишь этот младшеклассник реагировал весьма эмоционально, что казалось интересным. Однако после почти полугодовых приставаний и издевательств парень, похоже, полностью смирился и перестал отвечать.

Пару дней назад они заперли его в туалете и немного попинали, но Су Мо лишь молча свернулся калачиком на полу, прикрывая живот. Цзян Линь вспомнил, что потом Су Мо вырвало кровью — вероятно, ему что-то повредили.

Они уже стали Альфами, и хотя Су Мо еще не дифференцировался, в его крови, казалось, скрывался какой-то запах феромонов, который сводил их с ума.

Кровожадность Альф легко пробудить. Они охотно попинали бы его еще, но развлечение прервала группа младшеклассников, пришедших в туалет. Один из учеников знал Су Мо и, увидев его лежащим на полу, сразу же бросился на помощь.

При всех старшеклассникам бить слабака-младшеклассника было как-то стыдно, поэтому Цзян Линь и его компания ушли.

- Сегодня мы тебя бить не будем, скучно. Да и не хотелось бы, чтобы говорили, будто мы детей обижаем, — сказал Цзян Линь, подперев подбородок рукой и недобро глядя на Су Мо. — Давай сделаем так: седи здесь, пока в столовой никого не останется, а потом можешь идти, куда хочешь.

Перед уходом Цзян Линь еще раз постучал по столу, затем указал на камеру в углу и предупредил:

- Лучше слушайся, а то хуже будет.

Ученики из столовой постепенно разошлись, никто не обратил внимания на происходящее. Вскоре ушел и уборщик, остался только ученик в форме младших классов, сидевший в углу.

Тяжелая стеклянная дверь была полуприкрыта, изредка в помещение врывается ветер. Звонок на урок прозвенел уже давно, и даже если бы Су Мо пошел на занятия сейчас, он все равно бы не успел.

Юноша потер немного ноющие колени, уперся ладонями в стол и встал.

Ему только что исполнилось 15. Среди сверстников он казался особенно хрупким: маленький рост, мешковатая форма.

Сжав ремень рюкзака, парень медленно пошел к выходу.

Внезапно налетел сильный декабрьский ветер, стеклянная дверь распахнулась, вымораживая помещение.

Су Мо замер на месте — кто-то пришел.

Пока в столовой кто-то есть, он не может уйти.

Су Мо не смел послушаться предупреждения Цзян Линя и компании, он уже натерпелся из-за этого. Он давно научился не реагировать на издевательства, надеясь, что его мучителям станет просто скучно, и они его отпустят.

Вошедший парень был в такой же форме старшей школы, что и Цзян Линь с компанией: серо-белый рисунок, дорогая ткань, на рукаве — эмблема школы Вэньхуа.

Парень был высок. Рюкзак небрежно висел у него на одном плече, руки он держал в карманах. Расхлябанной походкой парень прошел мимо Су Мо, даже не взглянув на него. Выбрал стул у стены, поставит на стол рюкзак, достал несколько книг и раскрыл их, уперев взгляд в текст. Однако было непонятно, читает он или просто думает о своём.

Су Мо, боясь пошевелиться, замер на месте. Дверь за его спиной так и осталась неплотно прикрытой, из нее задувал ветер.

Рёбра и живот, куда несколько дней назад пришлись удары, тупо ныли. Даже просто дышать было тяжело и больно. Глаза у Су Мо начало щипать. Он невидящим взглядом, как-то отрешенно, посмотрел на дорогу за дверью, подумав: «Похоже, сегодня я отсюда не уйду».

Шелест переворачиваемых страниц в мертвой тишине пустого зала показался громким, и звук вывел Су Мо из оцепенения. Сжимая в руках собственный рюкзак, он очень медленно развернулся и пошел обратно — туда, где сидел ранее.

Настенные часы показывали четыре часа дня. В зале стояла тишина. Старшеклассник сидел за самым дальним от Су Мо столом, ничего не говоря и не двигаясь с места.

Су Мо с утра съел лишь немного хлеба и молока, а обед, который он взял, у него отняли. Сейчас он был так голоден, что даже кружилась голова. Голод еще можно было терпеть, но

пить хотелось невыносимо, в горле будто горел огонь. Юноша лежал на столе какое-то время, но в конце концов не выдержал и очень тихо встал.

Су Мо украдкой посмотрел на старшеклассника. Тот, казалось, был поглощён чтением и не обращал внимания на происходящее вокруг. Су Мо затаил дыхание и, прижимаясь к стене, двинулся к раковине, куда обычно складывали посуду.

Наконец добравшись до раковины, юноша опустил голову и осторожно повернул кран. Вода потекла тонкой струйкой, но в пустом зале звук прозвучал на удивление отчётливо.

Су Мо было уже все равно. Он нагнулся, подставил рот под струю и начал жадно пить.

Он пил слишком торопливо, намочив не только лицо, но и воротник. Вода оказалась совершенно ледяной, и холод, пробежав по горлу, а затем пищеводу, достиг желудка. Су Мо пробрала дрожь.

Наконец он унял жжение в горле, завернул кран и вытер лицо рукавом. Немного придя в себя, юноша развернулся, чтобы идти обратно. Парень напротив наконец посмотрел на него. Даже с опущенной головой Су Мо почувствовал на себе его тёмный, тяжелый взгляд — он словно насквозь прожигал его.

Сделав вид, что ничего не замечает, Су Мо закусил губу и быстрым шагом вернулся на своё место, будто это могло его защитить.

Время шло. Свет за окном постепенно мерк. В этой столовой ужин не готовили, поэтому свет здесь не включали. Су Мо, напившийся ледяной воды, продрог до костей. Живот болел, мучил голод. Он нервно взглянул на часы, стиснул зубы и, поднявшись, пошёл к выходу.

Старшеклассник сидел за последним столом, почти у самого входа. Су Мо, не решившись выйти без разрешения, медленно приблизился к нему.

Юноша слегка сгорбился, одной рукой непроизвольно прикрывая низ живота. Поколебавшись, он тихо спросил:

— ...Я могу... пойти домой?

Парень громко захлопнул книгу и, чуть запрокинув голову, уставился на Су Мо. Юноша не осмеливался встретиться с ним взглядом. Он изо всех сил старался сохранять спокойствие, но губы, сжатые до белизны, выдавали его тревогу. Юноша судорожно сжимал лямку рюкзака, ожидая ответа.

Взгляд парня скользнул по его лицу, опустился ниже, остановился на тонкой, бледной шее. Затем, словно услышав нелепую шутку, он холодно хмыкнул и бросил в ответ:

— Это я что ли, не даю тебе уйти?

Как только эти слова сорвались с его губ, сердце Су Мо ухнуло вниз. Он широко распахнул глаза, стараясь сдержать слёзы, и предпринял последнюю отчаянную попытку:

— Брат...

Парень ледяным тоном оборвал его:

— Не называй меня так.

Су Мо дрожащим голосом принялся умолять. Ему было слишком страшно, слова выходили с трудом:

— ...Уже темно... я... можно мне?

Школа Вэньхуа делилась на старшую и младшую — две отдельные, но соединённые между собой территории. В младшей школе вечерних занятий не было. После пяти часов, когда заканчивались уроки, на территории почти никого не оставалось. Если уйти слишком поздно, на пустых дорожках кампуса нельзя было встретить ни одной живой души — только светили фонари да дул холодный ветер.

Су Мо с детства боялся темноты. Когда он шёл один по пустому кампусу, ему всё время казалось, что за спиной раздаются чьи-то шаги — то ускоряющиеся, то замедляющиеся, — мерещились какие-то тени, и это внушало ему невыносимый ужас.

Звонок с уроков давно отзвенел. За стенами столовой воцарилась тишина. Ещё немного — и стемнеет совсем. У Су Мо не было другого выхода, кроме как умолять того, кто был перед ним.

Чжоу Цяньчэн холодно смотрел на Су Мо.

Под просторной школьной формой угадывалось худое дрожащее тело. На тонком, чистом лице ещё сохранилась детская мягкость. Раньше на этом лице имелся милый младенческий жирок, а при улыбке появлялись две ямочки. Глаза паренька всегда сияли ярким светом — любой с первого взгляда понял бы, что перед ним маленький господинчик, выросший в холе и неге.

Но прошло меньше полугода — и улыбка с его лица исчезла, младенческая округлость сошла, и свет в глазах померк. Страх и напряжение пропитали всё его существо — эмоции, которых не было в его жизни до пятнадцати лет. Как он ни пытался их сдерживать, жизнь золотого маленького господина, не знавшего ни горечи, ни боли и в одночасье рухнувшего в грязь, быстро сломила его.

Да, именно таким — вот-вот готовым рассыпаться на части — он и был сейчас.

Чжоу Цяньчэн чуть приподнял голову, разглядывая его. Белки под радужкой отливали синевой — то ли он плохо спал последнее время, то ли просто выглядел таким отстранённым и холодным. Он не отвечал, позволяя тревоге Су Мо перерастать в мучительное ожидание.

— Я могу пойти домой? Моя мама... будет волноваться. — Голова Су Мо совсем поникла, в голосе уже явно слышались нотки плача.

Чжоу Цяньчэн не знал, текут ли у него слёзы.

Такой хрупкий, слабый ребёнок, перед лицом тех, кто его травил, никогда не плакал. Более того, поначалу он даже давал сдачи. Но откуда бы ему было уметь драться? С детства избалованный, раньше он расстраивался на несколько дней даже от маленькой царапины на руке. А теперь, даже когда его избивали до состояния, когда он не мог подняться с земли, мальчик не издавал ни звука.

Проходивший мимо Чжоу Цяньчэн однажды видел эту сцену: бледное лицо Су Мо было прижато к грязному полу, а в глазах горели упрямство и ярость.

Тогда, увидев Чжоу Цяньчэна, он вдруг радостно встрепенулся. Чжоу Цяньчэн помнил, что он даже протянул руку в его сторону. Но Чжоу Цяньчэн даже не остановился — только мельком

взглянул на распростёртого на земле паренька и прошёл мимо.

«Если он может плакать передо мной, сдерживаясь перед всеми прочими — что ж, неплохо», - подумал Чжоу Цяньчэн.

Но слёзы ещё не успели пролиться, а в глубине души Чжоу Цяньчэна уже зародилось жестокое желание разрушать. Тогда он ещё не понимал, откуда взялось это желание или какой цели он хочет достичь. Ему просто хотелось увидеть, как Су Мо разобьётся вдребезги — желательно так, чтобы потом уже никогда не склеиться.

Поэтому он сказал:

— У тебя есть мама, которая волнуется. А у меня где мама?

Су Мо плакал очень тихо — совершенно беззвучно. Если бы не слезинки, одна за другой падающие на пол, Чжоу Цяньчэн, пожалуй, даже не заметил бы, что он плачет.

Сдерживаемые слишком долго эмоции в сочетании с тем, что он давно ничего не ел, быстро истощили его силы. Он схватился за живот, присел на корточки, а затем и вовсе обессиленно повалился на пол.

Чжоу Цяньчэн резко поднялся — стул с оглушительным визгом отодвинулся назад.

Су Мо вздрогнул от этого звука. Опустив голову, он услышал над собой тяжёлое, порывистое дыхание Чжоу Цяньчэна — казалось, был в бешенстве. Су Мо инстинктивно обхватил голову руками и крепко зажмурился, ожидая, что последует за этим приступом гнева: брань, насмешки или, может быть, удары.

Но Чжоу Цяньчэн не испытал того удовлетворения, которое, как ему казалось, должен был получить. Эти несколько слезинок затронули в глубине его души нечто едва уловимое — то, чего он сам в себе не замечал. Он схватил Су Мо за воротник, рывком поднял его с пола и с силой толкнул.

Стол от удара худого тела отъехал далеко назад, ранее травмированная поясница Су Мо снова получила удар. Острая боль пронзила юношу, выдавив из груди тихий стон.

Обида — это нечто неконтролируемое, даже если Су Мо считал, что может привыкнуть, может игнорировать, может стиснуть зубы и сказать себе, что все в порядке. Но от того, что связано с Чжоу Цяньчэном, он пока отрешиться не мог. Су Мо упал, как-то сразу психологически сломавшись.

Давя рыдания, он услышал, как дверь распахнулась и захлопнулась, воздух содрогнулся от этого звука.

Спустя несколько минут Су Мо медленно, опираясь на стол, поднялся. Чжоу Цяньчэн уже ушел, в столовой никого не осталось. Можно было идти домой.

.....

Примечание автора:

«Чаша чая со снежной пеной» — юношеская часть - займет около 15 глав, что составит примерно пятую часть всего текста.

От переводчика:

Фраза про чашу чая - это цитата из стихотворения Су Ши (苏轼) «Тихая радость». Вообще-то оно о беззаботном времяпрепровождении, тихом счастье. И как это соотносится с тем стеклом, которым собирается кормить нас автор - ХЗ.

<http://bllate.org/book/20161/2007859>